

Придумайте

свой скорбный лес и в нём туман предутренный –
как вы придумали?

как

вы

придумали?

глухие восклицания ворон

и заячьи следы в просветах крон

на только что случившемся снегу?

позвольте мне.
пусть я туда приду,

а кем я буду – сами уж придумайте.
ключом к земле? с деревьями угрюмыми,
чтоб огибать саксонский старый дом.
пускай история поведаёт о том,
как вдоль меня, выламывая лёд,
мой сон, мой стон, мой бог идёт, идёт.

и хочется молиться Богородице,
покуда ваш сентябрь окрест разносится
и шершни забиваются в траву,
погибнуть дабы. можно я приду
вот в эту смерть? и спрячусь, как изгой,
под старым домом с каменной трубой,

где тонкий бледный дым стекает в бездну,
сползает вверх под радостную песенку
какой-то птахи. мне и невдомёк,
что это я лечу наискосок,
наискосок, в осоковую тень,
чтоб вместе с нею кланяться земле.

пока он догорает вместе с осенью,
пообещайте, что о нём вы позаботитесь.
не пустите по ветру ничего:
ни тёплое дыхание его,
ни радость осторожную.
ну что ж,
спасибо вам,
спасибо вам
за ложь.

Планета взрослых

Планета взрослых – это навсегда для тех, кто спит, покуда города переливаются: то меркнут, то светлеют, звенят ключи, поскрипывают двери, и чей-то смех звучит из темноты, качается весенний мягкий воздух, подвижные табачные цветы лениво распускаются. Как просто, как яростно из тьмы, из ничего, из недр огнеустойчивого пепла выскальзывает месяц кочевой ...и прячется. Влюблённые на землю не смотрят. И, не в силах утерпеть, легко, как свечки, вспыхивают окна, и трогательный дождь желает петь, а клён – дрожать и романтично мокнуть. Их не уговорить, не удержать, они бегут – им есть куда бежать, качается весенний мягкий воздух. Как далека ещё пока планета взрослых!

Головокружение

Когда к тебе тянулась из земли, хватаясь за колышущийся воздух, чуть слышно перестукивались и потикивали собранные в гроздья рябиновые яблоки.
Они, наполненные горечью и сталью, ныряли в зиму,

плыли,
из зимы
выныривали.
Всё перерастали.

Я тоже целый мир переросла,
тобою год больная (это много).
И чёрствый день от первого числа,
голодные потёмки от второго.
Блуждала на негнущихся ногах,
негнущиеся пальцы колоколен
обсматривала. Веки на веках
приподымала.
Мир многоугольный
всё вытерпел и всю белиберду
изведал.
Аллилуйя!
К сожаленью,
когда-нибудь я, видимо, умру –
не потому, что вечер воскресенья
несётся на меня на всём пару,
а по законам головокруженья.

О чём кричу

О чём кричу, когда молчу?
От этих криков откровенных
ночь, уподобившись мячу,
всю ночь колотится о стену.
О чём кричу, когда молчу,
когда снаружи ветер, ветер –
и по фонарному плечу
стекает дождь. На белом свете

дороги вспять, других причуд
не отыскать. А только к Богу
тропинка есть.

И я кричу,
что исчезаю понемногу.
И утекают не спеша
в какой-то мир потусторонний
чуть близорукая душа
и теплота твоих ладоней.
Маяк, привязанный к лучу,
ворочающийся безвольно, –
о том молчу, о том кричу,
о ком подумать даже больно.
Не то что вслух...
И ночь без сна –
блесна в цунами одеяла
плюс горстка памяти.
Ты знал,
ты, одевающийся в камень,
о чём кричат, когда молчат?

Альфа и Омега

Абу-Даби.
Всё тот же город. Тянущая боль
всё та же.
Перемигиванье окон.
Ленивая бордовая фасоль,
подброшенная в небо, и осколок
от солнца, уходящий в никуда.
Да, вечер – это выдох.
На подлёте –
тяжёлый сон, слоёный, как слюда.

Холодное нутро квадратной соты.
Распахнутый диван – плохой роман –
прочи немного, брось на середине.
Да, pale blue dot всё та же: много стран,
но мало толку. Плюс большая льдина.

И хочется туда, где города
сменяются деревнями, деревни –
аулом.

Остановится вода,
приляжет на заточенные гребни,
перевернётся

и

помчится вспять.

За горные воздушные причалы
зацепятся ночная благодать
и облачные ялики.

Сначала
начнётся жизнь простая, как цветок
багульниковый.

Альфа и Омега –
нахохлившейся юрты тёплый бок,
большое засекреченное небо,
раскинувшее бисерный кушак
над сонным обездвиженным аулом.
Ночной мороз.

Горячая душа.

И ветром оцарапанные скулы.

Мистер, не спи так крепко

К улицам чёрной меткой
вечер приник большой.
Мистер, не спи так крепко,
будто бы ты чужой,
будто бы всё неважно,
Господи боже мой.
Знаешь, Луна однажды
стала чуть-чуть живой,
стала чуть-чуть животным:
лунный щербатый бок
очеловечил кто-то
прикосновеньем ног.
Мистер, не спи так крепко.
Росписью в стиле гжель
в окна внедрились ветка,
птица, какой-то зверь,
невероятный книжный,
Господи боже мой,
«Зверь одинокий – лишний,
равно как третий» (Ной).
Мистер, не спи, не надо.
Нет.
От вершины я
вдруг оттолкнусь и падать
стану.
Спаси меня.
Пленница белой сажи.
Этот мучной налёт
не соскребёшь, хоть даже
выбросишься на лёд,
станешь мести руками
или топить щекой.

Мистер, да будет с нами
мой монолог простой.

Мистер, не спи так крепко,
будто бы ты чужой.

К улицам чёрной меткой
вечер приник большой.